

В наш век, когда практически каждый имеет в кармане портативный компьютер, все чаще приходится слышать вопрос: нужна ли сегодня книга? Не изжила ли она себя в привычном печатном, «бумажно-блочном» формате?

Как ответ на подобные вопросы мне всегда вспоминается один случай из детства. Однажды я порвал страницу книжки-малышки. «Разве можно, – услышал я материнский упрек, – книжечке больно!» Мы аккуратно подклеили страницу – «вылечили книжку». С тех пор книга для меня стала чем-то живым, дышащим, чувствительным к грубому или трепетному прикосновению читателя. Не случайно наши предки во время пожаров первыми из огня выносили книги, спасали библиотеки в пору стихийных бедствий и войн, считали уничтожение книги величайшим святотатством.

По этому поводу расскажу другую историю, уже из детства моего деда. Как-то раз дед отправился в районную библиотеку, что была за десять километров от его села, за последним томом «Тихого Дона». Дело было ранней весной. На обратной дороге, когда уже смеркалось, дед решил срезать путь и пройти через озеро. Но истончившийся лед не выдержал, и дед ушел под воду по самое горло. Но книгу при этом удержал над

головой и не намочил ни страницы. Придя домой, просушившись, он начал читать долгожданную книгу и зачитался до глубокой ночи, пока мать не стала ругать за то, что тот изводит керосин. Тогда дед поудобней примостился у окна, поймал лунную дорожку и так продолжал читать до самого рассвета.

Сегодня нам не приходится прокладывать такой непростой путь к книге, но оттого наши встречи с ней не стали более желанными и частыми. Нас будто лишили той сокровенной лунной дорожки, способной во тьме озарить слово. Дело в том, что в последние десятилетия была разрушена не только мощнейшая техносфера, но и не менее прочная и важная библиосфера – сфера книги, которая, как писал Мамин-Сибиряк, «приносит с собой духовную весну». Книги определяли судьбы людей и целых поколений, они всегда были рядом с человеком, сопровождали его, становились членами семьи. Теперь же мы утратили опыт собирания домашних библиотек, где свои полки или стеллажи непременно имели дети. Мы утратили традицию семейного чтения, когда не только старшие читают младшим, но когда собирается вся семья, и книга идет по кругу от тещи к теще. Ведь вслух проза и поэзия воспринимаются иначе, в

интонациях родного человека слово на всю жизнь остается в памяти и в сердце.

Все тот же Мамин-Сибиряк в начале XX века сказал: ««мы сейчас слишком привыкли к книге, чтобы хотя бы приблизительно оценить ту громадную силу, которую она представляет». В начале же XXI века мы отвыкли от книги, но свою огромную силу она являет нам вновь и вновь. Можно назвать, как минимум, две книги, ставшие не просто литературным, но общенациональным событием – «Несвятые святые» и «Пасха красная». Пробудившие всеобщий интерес вне зависимости от возраста, профессии, образования и читательского опыта, они явили пример не массового, а соборного чтения, показали, что русская литература сегодня – это не только постмодернистские фокусы, не только словесная эквилибристика, а прежде всего душеспасительное слово. Литература, по-прежнему, хранительница правды, ради которой можно претерпеть все и пожертвовать всем.

«Я полезу на нож за правду, за отечество, за русское слово, язык», – говорил Владимир Иванович Даль. И в этих решительных словах одновременно завет и пример каждому из нас. Наверное, несколько лет назад никто и

не думал, что наступят такие времена, когда за язык и слово в буквальном смысле вновь придется «лезть на нож» и идти под пули. Те, кто умирают сегодня на юго-востоке Украины, умирает и за слово тоже, за право говорить на русском языке как на родном и Богом данном. Не случайно именно русское слово в нынешних событиях на Украине стало щитом и мечом для одних и целью, в которую пытаются стрелять на уничтожение, – для других. Можно вкопать в общую землю пограничные столбы, написать учебники по лжеистории, создать безблагодатную автокефальную церковь, где к православным насильственно присовокупят инославцев, где распространят сектантский яд, но вытравить из культурного сознания язык невозможно. Язык – это незримый Покров Богородицы, объединяющий народ, оберегающий его надежней системы ПРО.

Промыслительно в нашем календаре сложилась череда праздников, посвященных слову, языку, литературе, книге: День православной книги, День славянской письменности, День русского языка. И все эти праздники должны проходить не формально, не для отчетности, а всем миром, соборно, как проходит парад Победы 9 Мая и крестный ход на Пасху.

БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ И ДУХОВ ДЕНЬ

Когда я слышу словосочетание «национальная литература», мне вспоминается читальный зал филфака нашего педуниверситета,

где в дальнем углу стоял каталог литературы братских народов. В годы моего студенчества, в растерявшиеся «нулевые», этот каталог

был мало востребован и напоминал обветшавший дом, который, будто убегая от чего-то, покинули хозяева. А ведь, как рассказывали наши преподаватели, в советское время был сквозной курс национальной литературы, читавшийся с первого до последнего года обучения.

Затем, уже после университета, бессистемно открывая для себя, Гамзатова и Кешокова, Рытхэу и Кулиева, я осознал, какого культурного многоголосия пытались лишиться наше поколение. Уникальная сила притяжения, которой наделен русский народ, через философию общего дела, через Великую Победу 45-го года и, главное, через слово создавала особый космос, где различные культуры не исключали, а, наоборот, дополняли друг друга. Цветовой спектр в картине мира усеченной империи резко сократился, а краски, которые раньше сияли, подобно огню и солнцу, теперь поблекли.

Однажды грузинская монахиня матушка Серафима сказала мне: «Знаешь, почему ребенок плачет, когда появляется на свет? Не потому, что начинает дышать. А потому, что в утробе матери ему было тепло и спокойно, и вдруг он лишился лучшей колыбельной - материнского сердцебиения. Вот и Грузия сейчас - ребенок, выпавший из чрева матери-России. А ведь у нас хранится хитон Богородицы, который простирается на обе наши страны, и его никакими границами не раскроишь».

Ту же тоску по русской силе созидания услышал я и в словах сербского паломника, прожившего три месяца в русских монасты-

рях: «В России мне хорошо, как в храме».

Удивительно, но в нынешний День Победы четыре человека - из Казахстана, Украины, Сербии и Болгарии - совершенно не сговариваясь, прислали мне по электронной почте одинаковое сообщение: «С Днем Победы, великий русский народ!» И в этих словах была и память о минувших победах, и вера в грядущие. В этих словах было единство, которого никогда не добиться финансовой пирамиде под названием Евросоюз.

В гармоничный мир у нас по-прежнему нерасторжимо спаяны люди степи и леса, воды и камня, знойной пустыни и вечных снегов. Мы ищем и находим единение в молитве и труде, истории и слове. Не случайно в последнее время среди молодых поэтов так возрос интерес к стихотворным переводам. Ведь поэтический перевод - это не просто зарифмованный подстрочник. Это не перевод с языка на язык, на что сегодня вполне способны компьютерные программы, а трансформация одного национального образа мира в другой. Об этом очень емко сказано в стихотворении Бориса Слуцкого:

Работаю с неслыханной охотой
Я только потому над переводами,
Что переводы кажутся пехотой,
Взрывающей валы между народами.

История человечества во многом стала историей преодоления подобных «валов», и ярче всего об этом свидетельствуют события, описываемые в Библии. Так, Ветхий Завет рассказывает нам о Вавилонском столпотворении: «И

сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого».

Но Новый Завет говорит о Духовом дне, когда апостолы

проповедовали на всех языках: «И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать».

Время Вавилонского столпотворения прошло – грядет Духов день.
